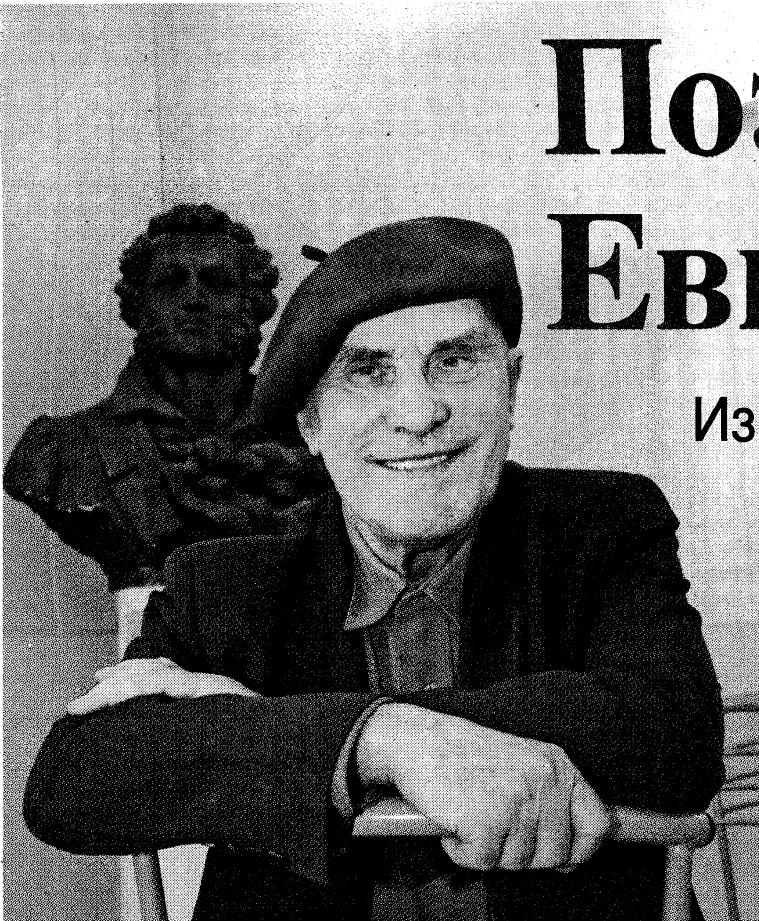

Поэтический ход Евгения Кулькина

Известному волгоградскому писателю — 80 лет

Мое знакомство с Евгением Кулькиным началось с огорчения. Личного. Пришло мне письмо из газеты «Молодой ленинец», куда я, ученица сельской школы, отважилась послать свои первые творения. В том письме некий литературный консультант по фамилии Кулкин писал: «В ваших стихах, претендующих на оригинальность, нет поэтических ходов».

Ответ меня озадачил: ведь поэзия не шахматы, чтобы в ней были какие-то ходы. Ну где у Пушкина какой-либо, в том числе и поэтический, ход?

Мой дядя самых честных правил,
когда не в шутку занемог,
он уважать себя заставил
и лучше выдумать не мог?

Или лермонтовское:

«Белеет парус одинокий в тумане моря голубом».
Тут-то что сверхъестественного?

Тогда он стал записывать мысли, которые были рядом. «Война — это глухой коридор, в конце которого умирает даже сквозняк». Когда это было написано, стало обидно, что ничего нет о Победе. И родилось следующее: «Хотя война и была демоном, Победа обернулась ангелом». Так и пошло. Каждый прожитый день венчал обмолвкой. Шли годы, и этих обмолвок собралось несколько тысяч. Их Кулкин и собрал в трехтомник «Последок», «След» и «Послесловие».

Жизнь, прорастающая в зерне

Оставив классику в покое, я стала охотиться за стихами самого Кулькина, чтобы найти и у него пресную обыкновенность. Но стихи его мне не попадались. Зато однажды встретилась учительница с томиком его рассказов «Дуга с колокольчиком».

— Только сейчас поняла, — говорила она, — почему эту книгу издали таким тиражом. И процитировала: «Он сидел на корме и хлопотал веслом». Какой силы слово! Не греб, не упирался, а именно хлопотал. До меня, кажется, долетают брызги от этого действия.

Я зажмурилась. Но ничего подобного не ощутила. Спросила только: «А вы стихи его читаете?»

— Еще бы! Слушайте:

Неизвестный солдат...
Это горе живых,
Если кто-то погиб
неизвестный.
Неизвестный солдат
на лафете лежит,
Неизвестный
становится песней.
Знал и я неизвестных,
забытых, ничьих,
Мы их много в стенах
хоронили,
Но тогда бы не в каждом,
наверно, из тех
Я признал бы
солдата России.
Нет, в одном бы признал,
Он лежал у реки,
У оплавленной маревом
горки,
И щепотка пшеницы
тянула ростки
Из кармана его
гимнастерки.

Учительница замолчала. А потом сказала: «Вот какой нашел поэтический ход: солдат перед смертью думает о жизни, что прорастет в зерне, чтобы стать хлебом насущным...»

От имени страстей, которые предал

Именно с тех пор я стала следить за творчеством этого человека. Прочитала его романы «Чертов омут», «Раздоры», «Родная кровь», составившие трилогию «Смертный грех», удивлялась живописным словам в его сборнике рассказов «Вдовий сенокос», а потом мысленно ходила по пятам действующей в наших краях банды, читая повесть «Черная кошка». Это о ней расскажут впоследствии братья Вайнеры в знаменитом фильме «Место встречи изменить нельзя» с Владимиром Высоцким в главной роли.

Потом на моей книжной полке оказались еще две трилогии: «Прощенный век», куда вошли романы «Крушение», «Покушение» и «Искушение». И первое в мире художественное произведение «Хазарань» о загадочном хазарском каганате: трилогия сразу выдержала два издания: одно здесь, в Волгограде, другое — в Москве. Произведением активно интересовались иностранные читатели на Всемирной книжной выставке в Париже.

И все же Евгений Кулкин до конца сразил поэтическим откровением, которое заключил в два тома, снабдив их оригинальным и вместе с тем многообещающим названием «Воскресят меня стихи». И у меня почему-то возникла потребность, как в школьные годы, раньше решения задачи взглянуть в ответ, посмотреть, что же венчает такой объемный двухтомник. И натолкнулась на такое обращение к читателям.

От имени страстей,
какие предал,
И чувств, которых
просто не достиг.
Я будущих своих
лишился книг
Как недержанной победы.
Но не казните,
что так низко пал,
Я в душу вам и тем,
что есть, запал.

В других устах это, наверное, прозвучало бы похвалой. А в его — скромной истиной, ибо не верится в безжалостную смерть его таланта. Тем более на пороге восьмидесятилетия писателя!

Не верится еще и потому, что у меня в руках еще одна книга с интригующим названием «Знай обо мне все». Читая эту исповедальную честность, невольно оказываешься среди жгущих сердце и душу романов о старом Царицыне «Знак беды», путешествуешь вместе с автором по местам его детства (роман «Последний день лета»), переживаешь страх и отчаяние в грохочущем Сталинграде (роман «Святой с минного поля»), участвуешь в хитроумных комбинациях, которые проводили чекисты и милиция при раскрытии уникального преступления (роман «Золото ведьмы»). Кстати, эта книга, вышедшая в Петрозаводске, имела поистине фантастический тираж — двести тысяч экземпляров.

А сколько еще не издано удивительных произведений нашего знаменитого земляка, которые до конца раскрывают «поэтический ход» его неиссякаемого творчества!

Кстати, за «Черную кошку» он получил премию МВД СССР. За трилогию «Смертный грех» стал первым лауреатом премии города-героя Волгограда. За «Святого с минного поля» ему была вручена российская премия «Сталинград», за трилогию «Прощенный век» — государственная премия Волгоградской области. За трилогию «Хазарань» — знак «Империя культуры». Стал почетным гражданином Волгоградской области.

Старые истины

— Я не считаю истинными литераторами тех, кто от публикации до публикации валяет дурака. Вернее, ждет, когда очередная книга выйдет в свет, чтобы дать стимул сесте за создание следующей, — говорит Евгений Кулкин. — Истинный писатель должен поведать миру, о чем не мог

не рассказать. Из этого и состоит его сущность.

— А правда, что трилогия «Смертный грех» вовсе не трилогия, а эпопея, Евгений Александрович?

— Правда. Четвертый роман под названием «Горицвет» не был в свое время издан: его зарубила цензура.

— Вы переживали сильно этот факт?

— Не очень. Ведь вещь-то уже была. И я выполнил свой долг, можно сказать, в полном объеме. У каждого художника слова есть потенциал, который тот просто обязан исчерпать до крайности. И все, что некоторым кажется обыкновенной процедурой, на самом деле имеет уготованный судьбой смысл.

Писатель рассказывает, как возникла трилогия афоризмов «Мысли на века», которые ждут часа своего издания. Началось это в далеком 45-м. С двенадцати лет Женя стал вести дневник и страшно гордился этим занятием. И вот в День Победы, 9 мая сорок пятого года, обнаружил от него обложку. Соседка тетя Груша призналась, что «листочки на поджигку употребила». И показала на костер.

... Когда-то наш великий земляк Александр Серафимович сказал, что истинный писатель тот, кому удается правдиво и ярко поведать читателю об истории родного края, о месте, в котором живешь, народе, из которого вышел, своем роде, которым не грех гордиться, отдельно о детстве и юности, судьбоносных событиях, о которых нельзя молчать, личности, которая позволила взглянуть на окружающее иными словами.

И вот, как мне кажется, Евгений Кулкин может считать себя истинным писателем, потому что обо всем перечисленном он написал не только ярко и убедительно, но и пронзительно достоверно.

Поэтому я с удовольствием побывала на его «проповедях о литературе», которые он посвятил шестидесятилетию, как выражается, «сидения за станком стол». И именно тогда мне стало ясно, что жизнь и труд настоящего писателя представляет из себя непрерывный процесс, неизменно устремленный в будущее, хотя в книгах и идет речь о прошлом.

— Вы по-прежнему пишете афоризмы?

— С 20 апреля 2001 года, с того самого дня, когда Ренат Акчурич сделал мне операцию на сердце, перестал. Но каждый новый день начинаю стихотворными строчками.

Пронзительная правда

— Знаю, что у многих вызвало удивление, что вы издали двухтомник своих стихов, в которых не повторились ни единой строчкой из ранее существующих шести сборников...

— Поэзия подзаряжает мою душу новыми чувствами, а настоящий писатель должен откликаться на все события, которые конструируют жизнь. Поэтому о крахе коммунистической партии я написал роман «Волчий сват», а о перестройке — трилогию «Мания». Трилогия о Сталине «Обручник» все еще пребывает в моем столе. Там же находятся романы «Без права на личную жизнь» о советском разведчике и две рукописи эротического характера — это «Супермены» и «Лирический выгул собак, или Плач о самом себе».

Татьяна СТАРОДЫМОВА.
Фото Виталия СТУДЕНЦОВА. ■